

Коданева С.И.¹

Развитие отношений Великобритании и ЕС в условиях геополитических трансформаций

***Аннотация.** Современный мир переживает период стремительных геополитических трансформаций, связанных с пересмотром сложившейся после Второй мировой войны международной архитектуры. В Европе эти изменения совпали с выходом из состава ЕС Великобритании – государства, на протяжении длительного времени оказывавшего существенное влияние как на внутреннюю политику объединения, так и на вопросы его внешней политики и политики безопасности. Это событие стало знаковым как для Европейского союза, так и для Соединенного Королевства, столкнувшегося с необходимостью заново определять свое место и роль на международной арене, а также выстраивать отношения с ЕС, как ближайшим соседом и партнером, с которым страна имела наиболее тесные экономические связи.*

Цель настоящей статьи – рассмотреть трансформацию отношений между Великобританией и ЕС после Брекзита, начиная от полного охлаждения в период пребывания в должности премьер-министра Б. Джонсона и заканчивая текущей лейбористской «перезагрузкой», а также проанализировать, как эти изменения повлияли на видение Соединенным Королевством своей роли в Европе и в мире. На основе анализа официальных источников сделан вывод о

¹ Коданева Светлана Игоревна – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, ИНИОН РАН (kodanevas@gmail.com).

том, что концепт «Глобальной Британии», сформулированный в 2021 г. правительством консерваторов, предполагает достижение мирового лидерства в наиболее значимых для страны областях (прежде всего – технологической и экономической), но также и в сфере безопасности, где, однако, Великобритания зависит от «особых отношений» с США, что делает интересы трансатлантического партнера приоритетными для нее. Эти аспекты накладывают свой отпечаток на усилия лейбористского правительства по перезагрузке отношений с ЕС, значительно осложняя достижение этой цели.

Ключевые слова: Европейский союз, Великобритания, «Глобальная Британия», европейская автономия, европейская безопасность, Брекзит, саммит Великобритания – ЕС, стратегическое партнерство Великобритания – ЕС.

Введение

В течение многих веков Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии (далее – Великобритания, Британия, Королевство) было одной из ведущих мировых держав и играло первостепенную роль в процессах колонизации, мировой торговли и международной политики. В итоге у жителей Туманного Альбиона буквально «на генетическом уровне» сформировалось осознание своей идентичности как представителей могущественной империи, оказывающей огромное влияние на международную политику. История XX в. нанесла серьезный удар по этим амбициям: империя была разрушена, и Британии пришлось заново искать свое место в мире [Kasonta, 2021]. Лондон был вынужден принять роль младшего сателлита Вашингтона, но в то же время Великобритания стала активным участником послевоенной экономической и политической интеграции Европы [Черняев, 2024а, с. 210]. Ей пришлось отказаться от глобальных амбиций, но она попыталась обрести европейскую идентичность сначала в Европейском сообществе, а затем – в ЕС, где Британия стремилась позиционировать себя как экономического и политического лидера [Астапов, 2024].

Однако, по крайней мере, для части британского населения и истеблишмента, европейская идентичность оставалась чуждой, а членство в ЕС казалось обременительным ограничением глобальных амбиций страны. Неслучайно еще в период переговоров, предшествовавший референдуму в 2016 г., сторонники выхода из ЕС активно использовали миф о «Глобальной Британии», восхо-

дящий к поздневикторианским идеям о «Великой Британии», призванной возродить глобальное сообщество государств англосферы [Коданева, 2023]. В этой связи нельзя согласиться с рядом авторов, которые полагают, что идея «Глобальной Британии», которую сначала озвучила Т. Мэй, а затем стал активно развивать Б. Джонсон, – это всего лишь попытка обосновать и наполнить содержанием уже начавшийся процесс выхода Соединенного Королевства из состава ЕС после референдума.

В политических документах того времени данный нарратив изначально был представлен как внешнеполитический концепт. Так, в отчете Комитета по внешней политике Палаты общин говорится, что идея «Глобальной Британии» нужна для того, чтобы «наши противники были осведомлены о нашей способности защищать наши национальные интересы, оставаться активным глобальным игроком в продвижении наших ценностей, поддерживать международный порядок, основанный на правилах, и возглавлять усилия по обеспечению глобального мира и безопасности» [Global Britain ... , 2018]. При этом «глобальность» означала, что Британия намерена поддерживать отношения и оказывать влияние на международную политику в трех ключевых регионах: Северная Америка, Индо-Тихоокеанский регион (ИТР) и Европа.

В связи с этим представляется важным проанализировать, как трансформировались внешнеполитические амбиции Великобритании после Брекзита, как развивались ее отношения с ЕС и видение своей роли на континенте.

Отношения между ЕС и Великобританией при правительствах консерваторов

Для того, чтобы точнее оценить особенности современных британо-европейских отношений и роль, которую Великобритания играет в Европе, необходимо немного оглянуться назад и вернуться к ключевому событию в развитии этих взаимоотношений – Брекзиту, – и связанной с этим концепции «Глобальной Британии».

Период пребывания Б. Джонсона на посту премьер-министра можно назвать «пиком» охлаждения отношений между сторонами. Переговоры о выходе из ЕС проходили крайне сложно, и Б. Джонсон даже был готов на «Брекзит без сделки», т.е. на выход без заключения соглашения, которое бы регулировало будущие отношения. Однако, в конечном итоге, сторонам удалось заключить Соглашение о выходе и Соглашение о торговле и сотрудничестве, которые

заложили правовую базу на будущее. Однако британский премьер-министр отказался обсуждать вопросы обороны и внешней политики как составную часть Соглашения о торговле и сотрудничестве, хотя проект данного раздела был подготовлен еще правительством Т. Мэй и даже предварительно обсуждался с переговорщиками от ЕС. Некоторые связывают это с тем, что времени на согласование всех условий просто не оставалось. Но есть и другое мнение, основанное на заявлении самого Б. Джонсона и опубликованном его правительством документе «Наш поход к будущим отношениям с ЕС» [The future relationship ... , 2020], согласно которым британское правительство не стремилось к институционализации отношений с ЕС в области иностранных дел и обороны, предпочитая гибкий подход *ad hoc*¹. Иными словами, британское правительство не хотело создавать какие-либо рамки, ограничивающие его свободу в реализации новой внешней политики.

Подтверждением этому является опубликованный в 2021 г. документ «Глобальная Британия в эпоху конкуренции: комплексный обзор политики безопасности, обороны, развития и внешней политики». Российские авторы, анализируя данный документ, уделяли основное внимание двум аспектам: акценту на Индо-Тихоокеанский регион (см., напр.: [Зеленева, Ледовская, 2024 ; Журбина, Просяная, 2024]) и наращиванию военной мощи Британии (включая увеличение количества ядерных зарядов вместо обещанного ранее их сокращения) (см., напр.: [Семенникова, 2024 ; Черкашина, 2024]), а также обращали внимание на то, что в документе в качестве главной угрозы была представлена Россия, в то время как позиция в отношении Китая оставалась неопределенной и непоследовательной [Годованюк, 2024 ; Севрюк, 2024]. В целом аналитики сходились во мнении, что концепция «Глобальной Британии» в обзоре была сформулирована нечетко, что она еще только формируется и постепенно наполняется смыслом, который смещается с вопросов торговли (о которых много говорилось в первых выступлениях Т. Мэй и Б. Джонсона) к вопросам обороны и безопасности.

Представляется, что ни в одной из указанных публикаций документ не был проанализирован комплексно. Этим и обусловлена некоторая однобокость оценок и расставленных авторами акцентов. Так, если говорить об идеологическом содержании кон-

¹ Лат. «к этому», «специально для этого»: ситуационный способ решения конкретной задачи. (Прим. ред.).

цепции «Глобальная Британия», то при внимательном анализе Комплексного обзора 2021 г. можно увидеть, что основным и многократно повторенным тезисом является «мировое лидерство». Очевидно, что, в понимании авторов документа, стержневым тезисом является «знак равенства» между «Глобальной Британией» и «глобальным лидерством Британии». Соответственно, исходя именно из этого ключевого посыла, далее в документе выделены четыре основных области, которые должны стать опорами британского мирового лидерства.

Первая из этих областей – свободный рынок. Авторы обзора открыто признают, что либеральная демократия претерпевает упадок, а многие страны разочаровались в либеральных идеях, что привело мир к трансформации, переходу к многополярности, в условиях которой нарастает глобальная «системная конкуренция» за лидерство, причем ее субъектами являются не только страны (например, демократии и автократии), но и негосударственные субъекты (ТНК и трансграничный криминал). Принятие данного тезиса проливает свет на два важных аспекта Комплексного обзора. С одной стороны, в нем многократно повторяется, что Британия – это «открытая» экономика и что она заинтересована в том, чтобы экономики всех стран мира были «открытыми». На первый взгляд кажется, что таким образом Британия, освободившаяся от ограничений общего европейского рынка, просто противопоставляется «закрытой» экономике ЕС, в рамках которой ее возможности заключать взаимовыгодные торговые соглашения с другими странами, в том числе – снижать пошлины или даже полностью отказываться от них – были существенно ограничены. Однако, с другой стороны, не следует забывать, что «открытость» британской экономики – это отголосок ее имперской политики XIX – первой половины XX в., когда быстрое промышленное развитие сделало «закрытый» имперский рынок невыгодным для страны, поскольку она производила больше промышленных товаров, чем этот рынок мог потребить. В то же время Великобритания нуждалась в некоторых продовольственных товарах (например, пшенице), которые было выгоднее закупать в третьих странах. Поэтому британское правительство отказалось от политики меркантилизма в пользу свободного рынка, и это решение продемонстрировало свою экономическую оправданность и эффективность, хотя и стало «камнем преткновения» в конфликте метрополии с ее колониями и доминионами (подробнее см.: [Андреева, Коданева, Хашина, 2025]).

Очевидно, что в современных условиях правительство Б. Джонсона стремилось вернуться к старым проверенным подходам, к тому же представлявшим собой отголоски великого имперского прошлого, которое команда сторонников Брекзита усиленно мифологизировала. Но для этого было необходимо, чтобы рынки всего мира оставались «открытыми» (в Комплексном обзоре указывается, что поощряемые многими государствами протекционистские тенденции неприемлемы для Британии), поэтому, по мнению авторов обзора, борьба за сохранение либерализма и открытости в мировой экономике является одной из основ глобального лидерства страны. Интересно, что в обзоре 2023 г. (о нем подробнее будет сказано далее) даже содержится тезис о том, что Британия готова сотрудничать со странами, не разделяющими ее идеологические ценности, ради сохранения открытости мировых рынков (и этим опровергается тезис многих российских авторов, что главной проблемой в отношениях Великобритании и Китая является авторитарный режим последнего).

Второй аспект, имеющий ключевое значение для британского лидерства, – отношения с США, ЕС, Китаем и Россией. Так, «особые отношения» Великобритании с США обусловлены совпадением ценностей и приоритетов практически во всех сферах (преимущественно, конечно, в военной, но не только), а также тем, что Британия зависит от США в области обороны, в том числе ядерной [Александрова, 2024]. При этом страна позиционирует себя как основного европейского партнера США по НАТО, гарантируя ЕС (при необходимости) свою защиту, но в остальных сферах выстраивая с объединением равные партнерские отношения. Евро-Атлантический регион признается критически важным для безопасности Великобритании и ее процветания. То есть говорить о полном «повороте на Восток» неверно. Скорее речь идет о поиске новых форматов равноправного партнерства в экономике при лидерстве Британии в вопросах безопасности.

Что же касается Китая и России, то в свете всего вышесказанного следует обратить внимание на одно принципиально неверное толкование, присутствующее в публикациях российских авторов. Да, в Комплексном обзоре 2021 г. неоднократно повторяется, что Россия – это постоянная угроза безопасности, но Россия ни разу не упоминается в контексте «системной конкуренции». Китай же, напротив, признается главным системным конкурентом, к тому же оказывающим трансформирующее влияние на междуна-

родный порядок. Соответственно, в первом случае речь идет лишь о «сдерживании», а во втором – требуется выработка гибкой политики, которая должна включать элементы сдерживания и противодействия при сохранении возможности диалога и сотрудничества (особенно в экономической сфере и при решении глобальных проблем), чтобы избежать новой холодной войны. При этом в обзоре неизменно подчеркивается, что Соединенное Королевство представляет собой «силу добра», противостоящую неким неназванным «силам зла»: по мнению авторов документа, это является очевидным преимуществом Британии в вопросах системной конкуренции. Одновременно указывается, что Британия собирается делать упор на «мягкую силу», которая традиционно была сильной стороной ее внешней политики [Ананьева, 2024].

Третьей, не менее важной сферой, которой в Комплексном обзоре уделяется приоритетное внимание, является научно-технологическое развитие (а отнюдь не вопросы обороны и безопасности). Авторы обзора подчеркивают, что, если страна хочет быть мировым лидером, то она должна стать безусловным лидером в технологической сфере, прежде всего – в развитии цифровых технологий и киберпространстве («кибервласть Великобритании станет еще более важным рычагом для достижения наших национальных целей» [Global Britain ... , 2021, p. 42]). Соответственно, Британия должна стать глобальной «кибердержавой».

Важно отметить, что особое внимание в обзоре уделяется вопросам установления правил, т.е. международных правовых рамок и стандартов как в вопросах торговли, так и – в наибольшей степени – в вопросах регулирования новых технологий. Авторы Комплексного обзора справедливо подчеркивают, что, с одной стороны, глобальное лидерство проявляется в возможности оказывать влияние на формирование «правовых рамок», а, с другой – «правильные» правила будут способствовать закреплению лидерских позиций.

Обеспечению внутренней и внешней безопасности и поддержанию лидерства также должны служить вооруженные силы и правоохранительные органы. На европейском континенте лидерство Великобритании должно обеспечиваться за счет ее роли как основного европейского партнера НАТО. Именно поэтому Британия после выхода из ЕС постоянно подчеркивает ведущую роль НАТО как «краеугольного камня» европейской безопасности.

В то же время авторы Комплексного обзора признают, что к 2030 г. мир еще дальше продвинется по пути к многополярности, а геополитический и экономический «центр тяжести» переместится на Восток, в Индо-Тихоокеанский регион. Это может стать угрозой для глобального британского лидерства, но одновременно открывает новые возможности в области экономики. Поэтому в Комплексном обзоре уделяется особое внимание ИТР, причем в устоявшихся традициях британского империализма приоритетными здесь считаются именно экономические связи, но подкрепленные военной силой. Поэтому Британия стала партнером по диалогу с АСЕАН (2021), присоединилась к группе «Партнерство в голубом Тихом океане» (2022), Всеобъемлющему прогрессивному соглашению о Транстихоокеанском партнерстве (2023) и проекту «Сеть голубых точек» (2023), а также стремится развивать стратегические двусторонние отношения со странами региона, такими как Вьетнам, Индонезия, Малайзия и Сингапур [Зеленева, Ледовская, 2024, с. 214]. В то же время Великобритания стала одним из государств-соучредителей военного альянса AUKUS вместе с США и Австралией. Заявленные цели альянса – «ответ на вызовы XXI века» и поддержание «мира и стабильности в Индо-Тихоокеанском регионе» [Черняев, 2024б]. Однако для Великобритании не менее важно, что в рамках AUKUS было достигнуто соглашение о том, что на вооружение Австралии поступят британские атомные подводные лодки нового поколения «SNN-AUKUS», в производстве которых будут задействованы новейшие технологии всех трех государств. Подлодки будут строиться на верфях Великобритании и Австралии, что создаст дополнительные рабочие места в этих странах [Александрова, 2024, с. 43].

Четвертым столпом британского лидерства является гуманитарная сфера. В научной литературе довольно много писали о неоднозначной политике правительства Б. Джонсона в отношении сокращения бюджета иностранной помощи Соединенного Королевства (см., напр.: [Kasonta, 2021]), поэтому мы не будем на этом останавливаться, тем более, что, согласно Комплексному обзору, консервативное правительство планировало уделять основное внимание более актуальным на тот момент вопросам устойчивого развития (прежде всего – климатической повестке и борьбе с эпидемиями), которые позволили бы стране со всей очевидностью продемонстрировать свое «лидерство» на международной арене.

Таким образом, концепция «Глобальной Британии» в понимании правительства Б. Джонсона – это концепция глобального лидерства, которое должно стать основой для защиты экономических интересов страны и ее безопасности. Поскольку Европа на тот момент не рассматривалась ни в качестве партнера по укреплению британского лидерства, ни в качестве системного конкурента, то и упоминалась она в Комплексном обзоре довольно скупо, хотя в выводах ей посвящено несколько отдельных пассажей (в частности, говорится о сотрудничестве в сфере защиты общих ценностей, в обеспечении мира и процветания, в разработке зеленых технологий). Основным направлением европейской политики Британии должно было стать налаживание двухсторонних связей с такими странами как Франция, Германия, Италия, Ирландия.

С приходом на должность премьер-министра Р. Сунака в отношениях между Великобританией и ЕС начинается «оттепель». Можно назвать несколько причин этого: во-первых, к тому моменту уже в полной мере проявили себя проблемы, обусловленные административными барьерами в торговле; во-вторых, резко изменилась геополитическая обстановка в Европе. Соответственно, в 2023 г., с одной стороны, было подписано Виндзорское рамочное соглашение о торговом статусе Северной Ирландии, с другой – был опубликован документ «Обновление Комплексного обзора: отвечая на вызовы все более противоречивого и нестабильного мира», в котором подтверждалась «непреходящая сила европейской семьи наций и связей Великобритании внутри нее», а также предлагалось сформировать новую сеть «Атлантико-тихоокеанских партнерств» на основе общего мнения о том, что процветание и безопасность Евро-Атлантического и Индо-Тихоокеанского регионов неразрывно связаны. В изменившихся условиях значение европейского континента для Великобритании значительно возросло; в «Обновлении Комплексного обзора» говорилось, что Британия «привержена тому, чтобы играть ведущую роль в поддержании стабильности, безопасности и процветания европейского континента и Евроатлантики в целом. Мы будем решать весь спектр проблем, стоящих перед регионом, обеспечивая лидерство там, где у нас есть для этого наилучшие возможности. Наша цель – построить еще более прочные отношения с европейскими союзниками и партнерами, основанные на ценностях, взаимности и сотрудничестве в наших общих интересах» [Integrated review ... , 2023, p. 8]. Стоит обратить внимание на то, что британские эксперты,

анализируя роль своей страны на европейском континенте, обращают внимание на то, что обычно в документах британского правительства используется термин «стратегическая автономия Европы», а не ЕС, и указывают, что в этом контексте «возможности Великобритании имеют решающее значение», поскольку «сам по себе ЕС в настоящее время далек от того, чтобы быть стратегически автономным» [The Ukraine effect ... , 2024, p. 68]; среди прочего, можно отметить, что в «Обновлении Комплексного обзора» 2023 г. британское лидерство в сфере европейской безопасности и процветания и сотрудничество с ЕС в областях, представляющих взаимную выгоду, декларируются как самостоятельные направления британской политики.

В целом, как можно видеть, консерваторы довольно жестко придерживались изначальных «красных линий» в европейско-британских отношениях (недопустимость возвращения к единому рынку, таможенному союзу или свободе передвижения), предпочитая говорить о роли страны в обеспечении безопасности на европейском континенте, хотя при Р. Сунаке позиция британского правительства в отношениях с ЕС несколько смягчилась.

«Перезагрузка» британо-европейских отношений при лейбористах

С победой лейбористов на выборах 2024 г. ситуация стала стремительно меняться. Лейбористская партия традиционно скептически относится к британским амбициям в Индо-Тихоокеанском регионе – в силу его отдаленности, невозможности поддерживать там достаточно большой контингент вооруженных сил и флота и в целом выстраивать столь же близкие и выгодные отношения как с США и Европой. Поэтому уже в предвыборном манифесте этой партии был обозначен тренд на сближение с Европой, особенно в вопросах внешней политики и политики безопасности при сохранении «особых отношений» с Вашингтоном [Панков, 2024]. В частности, в манифесте лейбористов говорится: «Сохраняя уверенность в статусе страны за пределами ЕС, лейбористское правительство будет стремиться к тому, чтобы Великобритания вновь стала ведущей страной в Европе, имеющей лучшие и более амбициозные отношения с европейскими партнерами». В более конкретном плане лейбористы обещали «улучшить торговые и инвестиционные отношения Великобритании с ЕС путем устранения ненужных барьеров для торговли, а также добиваться заключения нового

амбициозного пакта о безопасности между Великобританией и ЕС» (цит. по: [Fella, 2025]).

Придя к власти, Лейбористская партия начала активно продвигать обозначенную повестку. Прежде всего это выразилось в повышении статуса должностных лиц, ответственных за отношения с ЕС. Если раньше эти вопросы входили в компетенцию министра по иностранным делам, по делам Содружества и развития, то теперь – непосредственно в компетенцию Кабинета министров. Премьер-министр заявил, что это изменение позволит генеральному казначею в качестве министра по конституции и отношениям с Европейским союзом «руководить программой правительства по ЕС, контролируя существующие отношения и управляя межведомственной работой по углублению этих отношений в будущем» (цит. по: [Fella, 2025]). Программа лейбористов включает следующие шаги: 1. Заключить соглашение о пищевых и сельскохозяйственных стандартах (или санитарное и фитосанитарное соглашение), которое предусматривало бы взаимное признание стандартов в данной области и, как следствие, позволило бы снять административные барьеры при проверке продуктов на таможне. 2. Заключить соглашение о взаимном признании квалификаций, что должно способствовать развитию британского бизнеса в сфере профессиональных услуг. 3. Добиваться восстановления безвизового режима для гастролей артистов. 4. Добиваться признания Евросоюзом эквивалентности правового регулирования Британии для сектора финансовых услуг и защиты персональных данных. Однако в центре внимания лейбористов – намерение добиться заключения соглашения о безопасности между Великобританией и ЕС, которое позволит обеим сторонам более тесно сотрудничать по вопросам внешней политики, безопасности и обороны, включая борьбу с киберугрозами, организованной преступностью и торговлей людьми, а также с изменением климата и рисками для энергетической безопасности [Fella, 2025].

Следует сразу оговориться, что такая «перезагрузка» вряд ли будет легкой и полной, поскольку взгляды сторон на возможное сотрудничество довольно сильно различаются. Для британской стороны важными являются три момента: демонстрация своего лидерства, теперь уже в Европе (в нынешних условиях это лидерство в вопросах обороны и безопасности); приверженность сохранению роли НАТО как «краеугольного камня» евроатлантической безопасности (что опять же способствует закреплению лидерских

позиций Королевства как основного партнера НАТО в Европе); сохранение «красных линий». Возможных сфер «перезагрузки», с точки зрения лейбористов, также три: внешняя политика и политика безопасности; внутренняя безопасность (совместные усилия по борьбе с трансграничной преступностью и миграцией); экономический рост и торговля [Fella, 2025].

Что же касается ЕС, то его вполне устраивает статус-кво. Вопросы обороны вызывают определенные споры внутри самого объединения: с одной стороны, Э. Макрон еще со времен своей Сорбонской речи призывает к созданию оборонного союза, включающего военные контингенты и подразделения быстрого развертывания под оперативным командованием Евросоюза [Коданева, 2025, с. 39], с другой – в вопросах обороны европейцы привыкли полагаться на НАТО, а точнее – на США. Поэтому сотрудничество с Великобританией в данной области для них не является приоритетным.

Кроме того, для многих стран – участниц ЕС (в частности, для Франции) полное исполнение Соглашения о торговле и сотрудничестве является принципиальным вопросом. В «Докладе Председательствующей страны об определении интересов ЕС для укрепления отношений ЕС и Великобритании» (на момент подготовки отчета это была Венгрия) указывается, что на едином рынке ЕС «четыре свободы» неделимы и не может быть никакого «выбора вишенки» из них: страна, не входящая в ЕС, не несущая тех же обязательств, что и государства – члены ЕС (например, не подотчетная механизмам правоприменения ЕС, таким как Европейский суд), не может иметь тех же прав и льгот, что и государства – члены Евросоюза (цит. по: [Fella, 2025]), тем более что некоторые страны – участницы объединения (по крайней мере, Франция) не хотят, чтобы Британия получила какие-либо преференции, поскольку в таком случае может сформироваться опасный прецедент, показывающий, что можно выиграть от выхода из ЕС, и это станет примером для других членов Евросоюза. Поэтому Великобритания, по мнению европейцев, должна не просто сделать первый шаг, но и приложить определенные усилия к тому, чтобы добиться подписания каких-либо соглашений, в частности, заручиться поддержкой большинства государств-членов ЕС по отдельности [Martill, Maassen, Jones, 2024].

Соответственно, европейцы отказались рассматривать соглашение по безопасности вне более широких рамок, т.е. поставили

на один уровень вопросы внешней (оборона) и внутренней (например, рыболовство) политики, что британские наблюдатели назвали «абсурдом» [Schichan, 2025]. Тем не менее Франция, Дания и ряд других стран заявили, что не готовы обсуждать соглашение в области обороны без решения вопроса о доступе европейских рыболовецких судов в британские воды.

Да и в вопросе о внешней политике и политике безопасности возникли разногласия. Следует упомянуть о том, что еще в период членства Соединенного Королевства в ЕС была создана Общая политика безопасности и обороны (ОПБО; *англ.* Common security and defence policy, CSDP), которую британская сторона рассматривала лишь как дополнение к оборонной политике НАТО. При этом Великобритания категорически выступала против создания каких-либо институтов, которые могли бы конкурировать с НАТО, либо подрывали национальный суверенитет. Вообще, как отмечают эксперты, Великобритания всегда была одним из самых ярых противников интеграции в систему безопасности и обороны ЕС, однако она также предоставила значительные ресурсы и персонал для многих миссий ОПБО [Lamb, 2025, p. 259].

Видимо, именно этой «раздвоенностью» (между ЕС и НАТО) объясняется то, что Британия не всегда последовательно поддерживала европейские институты. В период вторжения США в Ирак в 2003 г. Великобритания, продемонстрировав несогласие с позицией других европейских государств (кроме Польши), приняла непосредственное участие в военных действиях [Церцвадзе, 2017]. Затем, когда в 2017 г. было создано Постоянное структурированное сотрудничество по вопросам безопасности и обороны ЕС (*англ.* Permanent structured cooperation, PESCO), Великобритания отказалась участвовать в нем именно потому, что рассматривала PESCO как европейскую альтернативу НАТО. Участвовать в PESCO могут как члены ЕС, так и третьи страны, подавшие заявку и получившие одобрение от стран-участниц. После Брекзита британское правительство заявило, что готово рассмотреть возможность участия в PESCO, если получит соответствующее предложение от ЕС (которое подразумевает, что специально для Соединенного Королевства должен быть создан новый механизм приема в PESCO).

Зато Великобритания стала одной из стран – участниц Европейского оборонного фонда (*англ.* European defence fund, EDF), также созданного в 2017 г. и финансирующего научные исследо-

вания и совместные закупки, снижая расходы для отдельных государств. Следует отметить, что при создании этого фонда Британия выступала за ограничение его бюджета, а также за то, чтобы доступ к средствам имели только государства – члены ЕС или Европейской экономической зоны. Теперь же британские власти полагают, что необходимо добиваться от ЕС особых индивидуальных условий для участия Великобритании в EDF [The Ukraine effect ... , 2024].

Позже, уже после Брекзита, в ЕС появилось несколько новых финансовых механизмов в области безопасности. В марте 2021 г. был учрежден Европейский фонд мира, который, как отмечают эксперты, никогда не был бы создан, если бы Великобритания еще оставалась членом ЕС [ibid.]. В 2023 г. были приняты два регламента ЕС – об укреплении европейской оборонной промышленности за счет общих закупок (*англ.* European defence industry reinforcement through common procurement act, EDIRPA) и о поддержке производства боеприпасов (*англ.* Act in support of ammunition production, ASAP). Оба акта направлены на стимулирование развития европейской оружейной промышленности посредством закупок. Все вышеупомянутые механизмы заинтересовали Соединенное Королевство, поскольку участие в них могло бы открыть новые возможности для британской военной промышленности: осознание подобных перспектив стимулировало дискуссии о том, что Британии следует добиваться снятия ограничений для участия третьих стран в этих инициативах; причем дискуссии еще более интенсифицировались в 2025 г., после объявления о создании нового оборонного фонда ЕС объемом 150 млрд евро.

Таким образом, создание «структурированного партнерства» Британии и ЕС по вопросам безопасности, обозначенное лейбористами в качестве своего основного приоритета, не только имеет целью способствовать продвижению Великобритании к ее амбициозной цели стать европейским лидером в области безопасности, но также преследует вполне меркантильные цели – получить доступ к европейским оборонным фондам. Однако ЕС отказывается даже обсуждать какие-либо индивидуальные условия, настаивая на использовании уже существующих форматов взаимодействия с третьими странами.

При этом переговорные позиции Великобритании ослабляет еще и то, что, несмотря на декларируемые страной глобальные амбиции, на деле ее экономика тесно связана с ЕС, и барьеры, введенные Соглашением о торговле и сотрудничестве, оказывают на

британскую экономику самое неблагоприятное воздействие. Именно поэтому британцы рассматривают вопросы безопасности и экономики на одном уровне. Евросоюз же, в свою очередь, соглашается обсуждать эти вопросы лишь при условии, что Великобритания обеспечит «динамическое согласование» правил, т.е. согласится на постоянной основе приводить свое законодательство в соответствие с меняющимися правилами ЕС, а также признает юрисдикцию Европейского суда – по аналогии с тем, как закреплено в соглашении ЕС и Швейцарии. Кроме того, как уже было сказано выше, европейцы требуют продлить свободный доступ своих рыболовецких судов в британские воды, а также заключить соглашение о молодежной мобильности (а в лучшем случае – вернуть Британию в программу ЕС по обмену студентами и преподавателями ERASMUS+).

Следует отметить, что все эти требования выходят за «красные линии» Великобритании, ранее обозначенные консерваторами, так что члены партии тори, ныне находящейся в оппозиции, даже заявили, что не будут считать себя связанными «дурными соглашениями лейбористов», если те примут условия ЕС. Соответственно, лейбористы не устают повторять, что «перезагрузка – это “безжалостный прагматизм” в национальных интересах», ни о каких соглашениях о мобильности речь не идет, а условия Соглашения о торговле и сотрудничестве в вопросе рыболовства уже дают возможность для долгосрочного сотрудничества [Fella, 2025].

В то же время британское правительство активно ведет переговоры с европейскими партнерами, – начиная с регулярных встреч на уровне министров (за полгода состоялось 70 таких встреч) и заканчивая саммитом Европейского политического сообщества (ЕПС), который Великобритания принимала через две недели после того, как было сформировано правительство лейбористов.

В контексте лейбористской «перезагрузки» изменение отношения Великобритании к Европейскому политическому сообществу весьма показательно. Как известно, эта площадка была создана по инициативе президента Франции Э. Макрона в 2022 г. как некий форум для «европейских государств, разделяющих демократические ценности», в рамках дискуссий о расширении ЕС на восток и реформировании его институтов. Это отражало видение Э. Макрона относительно будущего Европы, в которой ЕС станет еще более интегрированным объединением, поддерживаю-

щим политический диалог по вопросам общеевропейской безопасности с европейскими государствами посредством ЕПС [Коданева, 2025, с. 43]. В то время премьер-министр Великобритании Л. Трасс проявила настороженность и сдержанность в отношении этой инициативы, поскольку, по ее словам, «еще не было вынесено окончательное решение относительно того, является ли Макрон другом или врагом» (цит. по: [Wachowiak, Jurkovic, 2024]). Тем не менее Л. Трасс решила принять участие в работе первого саммита ЕПС, чтобы «не выглядеть политически маргинализированной», и европейцы сочли это «несомненным успехом» политики Э. Макрона [ibid.]. Отношение Р. Сунака к ЕПС было чуть более позитивным: в Комплексном обзоре 2023 г. указывалось, что ЕПС – это «заметный и долгожданный новый форум для сотрудничества на континенте». После того, как власть перешла к Лейбористской партии, риторика в отношении ЕПС еще более изменилась; лейбористы утверждают, что «ЕПС – один из форматов, который в последнее время привлекает к себе большое внимание: в том числе потому, что многие сочли британский энтузиазм по отношению к начинанию Эммануэля Макрона поворотным моментом в улучшении отношений между Великобританией и ЕС. ЕПС работает на Британию, потому что это инициатива, явно не принадлежащая ЕС» [Martill, Maassen, Jones, 2024, p. 15].

Неожиданную заинтересованность британцев в ЕПС можно объяснить двумя факторами. Во-первых, ЕПС – это форум 47 европейских стран для координации по наиболее актуальным текущим вопросам. ЕПС не имеет жестких тематических ограничений, у него нет центрального секретариата или постоянного персонала, собственных финансовых ресурсов, а по итогам его работы не принимаются какие-либо коммюнике или иные обязывающие документы. Таким образом, это абсолютно неформализованная площадка для кулуарных переговоров. По окончании саммитов даже на официальном сайте ЕПС не публикуются какие-либо итоги работы. Такой формат предоставляет его участникам значительные возможности для непубличного обсуждения актуальных тем, согласования позиций по насущным вопросам, а также большую свободу маневра, что полностью соответствует традиционной британской политической культуре. Во-вторых, как можно понять из вышеприведенной цитаты, правительство Соединенного Королевства видит в работе с ЕПС прекрасную возможность реализовать свои лидерские амбиции в масштабах всей Европы (за исключением

России и Белоруссии, отсутствие которых в этой организации «не отягощает» ее, в отличие от ОБСЕ [Wachowiak, Jurkovic, 2024]]. Показательно, что, в отличие от первых саммитов ЕПС, посвященных отдельным актуальным проблемам, на встрече, проводившейся в Великобритании 16 мая 2025 г., обсуждалась такая глобальная тема как «Будущее Европы», включавшая три подтемы: 1) европейская безопасность, в том числе демократическая устойчивость и укрепление обороноспособности; 2) конкурентоспособность, экономическая безопасность и автономия; 3) проблемы мобильности, миграции, расширение прав и возможностей молодежи [Meeting of the European ... , 2025].

Великобритания стремится закрепиться в качестве лидера и в отношении российско-украинского конфликта. На этом направлении она не только проявляет повышенную активность в рамках формата «Рамштайн» и созданной по инициативе К. Стармера «коалиции желающих», но и выступает постоянным «катализатором» помощи Украине и введения новых санкций против России (в настоящее время акцент сместился на недопущение обхода уже введенных санкций) [The Ukraine effect ... , 2024]. Безусловно, эта активность полностью укладывается в рассмотренный выше концепт британского лидерства в вопросах европейской безопасности. Однако некоторые отечественные авторы полагают, что «особое» отношение к России является отголоском имперского прошлого Великобритании, в частности, ее политики времен «Большой игры» (1853–1900 и 1900–1918 гг.) [Озеров, 2025]. А после Брекзита, как отмечалось выше, апеллирование к временам «великой британской империи» приобрело особую ценность в глазах политической элиты Соединенного Королевства.

Но вернемся к отношениям Великобритании и ЕС. На текущий момент наиболее значимым событием в этих отношениях стал саммит Великобритания–ЕС, состоявшийся 19 мая 2025 г. По итогам саммита было опубликовано три документа: 1) совместное заявление лидеров [EU–UK leaders ... , 2025]; 2) «Обновленная повестка дня сотрудничества Европейского союза и Соединенного Королевства» [A renewed agenda ... , 2025]; 3) «Партнерство в области безопасности и обороны» [Security and defence ... , 2025].

В совместном заявлении стороны подчеркнули свое намерение выстраивать новое стратегическое партнерство, основанное на общих ценностях и интересах, в том числе на международной арене, а также свою приверженность ранее заключенным соглашениям

и их реализации. Стороны намерены проводить человекоориентированную политику, укреплять экономики, уделяя при этом особое внимание сбережению ресурсов планеты, а также крепить внутреннюю безопасность и судебное сотрудничество в борьбе с нелегальной миграцией. Партнерство должно быть основано на общих принципах, таких как поддержание глобальной экономической стабильности, приверженность свободной, устойчивой, справедливой и открытой торговле, сотрудничество со всеми торговыми партнерами. Признается важность трансатлантического сотрудничества в решении глобальных проблем, в содействии экономическому росту и в обеспечении мира и безопасности. Как можно видеть, в этих принципах ощущаются отголоски рассмотренного выше концепта «Глобальной Британии».

Помимо традиционной европейской риторики в поддержку Украины, в совместном заявлении нашлось место и для ряда тезисов по вопросам территориальной целостности и суверенитета Молдовы, а также по согласованной политике в отношении ближневосточного кризиса и ситуации на Балканах (с акцентом на кризис в Боснии и Герцеговине).

Стороны признали, что нелегальная миграция является общей проблемой, которую необходимо решать с использованием комплексного подхода, в том числе посредством взаимодействия со странами происхождения и транзита мигрантов, сотрудничества в обеспечении безопасности внешних границ, предотвращения незаконного пересечения Ла-Манша. Также планируется развивать партнерство в борьбе с торговлей людьми и их контрабандой, незаконным оборотом наркотиков, транснациональной организованной преступностью, а также терроризмом и насильственным экстремизмом, в том числе в его онлайн-вариантах. Отдельный пункт заявления посвящен будущему сотрудничеству в реализации Повестки дня в области устойчивого развития ООН.

Наконец, в совместном заявлении лидеров отмечается, что институциональными формами стратегического партнерства должны стать ежегодные саммиты и регулярные (раз в полгода) встречи министра иностранных дел и обороны Великобритании и Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности.

«Обновленная повестка дня сотрудничества Европейского союза и Соединенного Королевства» представляет собой документ, определяющий «области, в которых можно укрепить двусто-

роннее сотрудничество». Показательно, как в этом документе отражены переговорные позиции сторон по наиболее значимым для них вопросам. Так, «Обновленная повестка» начинается с декларации о достижении «политических соглашений, обеспечивающих полный взаимный доступ к водным ресурсам для рыболовства до 30 июня 2038 года и способствующих расширению сотрудничества в области энергетики на постоянной основе». Как было сказано выше, заключение соглашения по рыболовству было принципиальным требованием Франции и ряда других прибрежных европейских стран.

Следующий раздел «Обновленной повестки» посвящен сотрудничеству в области безопасности, обороны и развития, включающему, помимо совместных проектов в сфере военной промышленности, мобильности и космоса, также миростроительство, урегулирование кризисов, вопросы кибербезопасности, противодействие гибридным угрозам и обеспечение устойчивости критически важной инфраструктуры.

Далее следует перечень направлений, в рамках которых планируется развивать сотрудничество. Анализируя этот перечень, следует обратить особое внимание на использованные формулировки, свидетельствующие о степени проработанности и уровнях приоритетности предполагаемого партнерства в различных сферах. Так, например, стороны планируют расширять сотрудничество в области безопасности на море, а также в вопросах противодействия внешней миграции и в вопросах временного въезда в деловых целях; готовы поддерживать регулярный диалог по ликвидации последствий стихийных бедствий, изучать возможности для сотрудничества и/или обмена информацией в области здравоохранения и правоохранительной деятельности, оказывать поддержку развитию туризма и культурного обмена; намерены рассмотреть возможность участия Британии во внутреннем рынке электроэнергии ЕС; приветствуют продолжение технического обмена информацией по новым энергетическим технологиям и успешное завершение переговоров по соглашению о сотрудничестве в области конкуренции.

По вопросу молодежной мобильности стороны обязались разработать сбалансированную программу, а также условились «работать» над возвращением Соединенного Королевства в программу ERASMUS+. Что же касается санитарного и фитосанитарного соглашений, а также объединения систем торговли выброса-

ми, то стороны согласились, что этими вопросами «следует заниматься», опираясь на закрепленные в документе условия о «динамическом согласовании» правовой базы Великобритании с законодательством ЕС, о признании юрисдикции Европейского суда в Соединенном Королевстве и внесении Британией финансового взноса на обеспечение работы соответствующих европейских органов. В обмен Соединенному Королевству будет позволено участвовать в процессе принятия решений по правовым актам ЕС в этих областях и «вносить соответствующий вклад» на этапе их разработки. Иными словами, речь идет о том, что органы ЕС должны консультироваться со своими британскими коллегами, но окончательные решения будут приниматься без участия Королевства.

Как можно видеть, данный документ является компромиссным для обеих сторон, причем для Великобритании даже в большей степени, чем для Евросоюза, поскольку стране пришлось продлить разрешение на доступ европейских рыболовецких судов в свои воды, а в отношении санитарного и фитосанитарного соглашений и схемы торговли квотами согласиться на условия, которые явно «испытывают на прочность» ранее обозначенные консерваторами «красные линии». При этом в документе ничего не говорится об участии Британии в Оборонно-промышленной стратегии ЕС и о ее доступе к оборонным закупкам (ключевые требования британской стороны, продиктованные стремлением открыть для своих компаний доступ к новому оборонному фонду ЕС). Отмечается, что эти вопросы будут решаться в процессе заключения отдельного соглашения [Wachowiak, Menon, 2025]. В целом использованные формулировки свидетельствуют о том, что позиции сторон пока далеки друг от друга и им придется серьезно поработать над конкретными условиями будущего партнерства.

Третий документ, опубликованный по итогам саммита, – «Партнерство в области безопасности и обороны», – имеет чисто декларативный характер. В нем говорится, что безопасность и процветание Великобритании и ЕС тесно взаимосвязаны и взаимозависимы, поэтому стороны несут за них общую ответственность, выходящую за рамки традиционных областей сотрудничества. Партнерство в области безопасности включает такие сферы сотрудничества как противостояние киберугрозам, гибридным угрозам, совместное освоение космоса, защита критической инфраструктуры. НАТО остается «краеугольным камнем в обеспечении коллективной обороны», а в целом партнерство призвано увели-

чить вклад ЕС в Альянс. Основными механизмами партнерства будут диалоги и консультации, способствующие обмену информацией; запланированы регулярные (раз в шесть месяцев) встречи на уровне министров; стороны также могут приглашать друг друга для участия в военных учениях или иных мероприятиях. Планируется регулярно обмениваться мнениями по вопросам региональной безопасности, причем не только в Европе, но и на Ближнем Востоке, в Арктике, Африке и ИТР; усилить координацию в отношении согласования позиций на международных площадках, таких как ООН; изучать возможности сотрудничества в посредничестве во имя установления мира, в предотвращении, стабилизации и урегулировании конфликтов, а также в кризисном управлении в регионах, представляющих взаимный интерес. Примечательно, что в тексте документа (как и в «Обновленной повестке») ничего не сказано об участии Соединенного Королевства в развивающейся Оборонно-промышленной стратегии ЕС.

Таким образом, концепция данного партнерства не выходит за рамки стратегических партнерств, которые ЕС уже заключил с третьими странами. Фактически оно служит лишь для формализации уже существующих областей сотрудничества и явно не соответствует задекларированной амбициозной цели создать подлинный стратегический альянс в области обороны и безопасности между Великобританией и ЕС. Кроме того, данное партнерство не поможет ЕС взять на себя ответственность за европейскую безопасность в условиях снижения определенности в вопросах гарантий со стороны США [Whitman, 2025].

Как можно видеть, первый саммит Великобритании – ЕС, который позиционировался как важный шаг в сближении сторон для решения общих проблем на континенте, пока не дал ощутимых результатов, если не считать решения вопросов, связанных с рыболовством. Стороны всего лишь зафиксировали намерение «работать» над поиском новых форм партнерства в перечисленных областях без какой-либо конкретики. Очевидно, теперь должен начаться переговорный процесс, причем, как показывает история Брекзита, процесс этот будет непростым.

После 2016 г. Великобритании пришлось заново определять свое место в мире и роль в международной политике [Хахалкина, 2021]. ЕС также столкнулся с необходимостью определить, что

должна представлять собой его стратегическая автономия и посредством чего она может быть достигнута. При этом обе стороны в своей внешней политике ориентировались, прежде всего, на США. Хотя Соединенное Королевство и пыталось заявлять о своих амбициях на международное лидерство, фактически основой для этого должны были стать его «особые отношения» с США, приверженность которым Британия постоянно подчеркивала, что отчасти и повлияло на ее «разворот» в сторону Индо-Тихоокеанского региона, включая создание AUKUS.

Однако стремительные геополитические изменения вынудили ЕС и Соединенное Королевство искать новые возможные формы партнерства для решения общих задач европейского континента. Стимулом для этого стал приход к власти в Британии лейбористов. Но, как показывают достигнутые за прошедший год результаты, путь к «перезагрузке» отношений с континентальным соседом будет долгим и сложным – как в силу еще сохраняющихся «шрамов Брексита» [Schichan, 2025], так и в силу того, что «безжалостный прагматизм», поиск своего места в мире и стремление занять лидерские позиции на мировой арене присущи не только Британии, но и ее европейским соседям.

Литература / References

Александрова А.С. (2024). Британо-американское ядерное сотрудничество и альянс AUKUS в контексте проблемы ядерного нераспространения // Международный аспект / МГИМО (У) МИД РФ. – Москва. – Т. 5, № 2(16). – С. 35–48 [Alexandrova A.S. (2024). British-American nuclear cooperation and the AUKUS Alliance in the context of nuclear nonproliferation [*Britano-amerikanskoe yadernoe sotrudnichestvo i al'yans AUKUS v kontekste problemy yadernogo nerastrostraneniya*] // The international aspect / MGIMO (U). – Moscow. – Vol. 5, Issue 2(16). – P. 35–48]. (In Russian).

Ананьева Е. (2024). Наследие консерваторов в политике лейбористов на украинском направлении // Международная жизнь. – Москва. – № 12. – С. 66–81 [Ananyeva E. (2024). The legacy of the Conservatives in the Labor Party's policy in the Ukrainian direction [*Nasledie konservatorov v politike leiboristov na ukrainском napravlenii*] // International affairs. – Moscow. – N 12. – P. 66–81]. (In Russian).

Андреева Г.Н., Коданева С.И., Хашина Э.Э. (2025). Национальные модели правовых механизмов предотвращения сепарации в Великобритании, Канаде и США. – Москва : НОРМА. – 208 с. [Andreeva G.N., Kodaneva S.I., Khashchina E.E. (2025). National models of legal mechanisms for preventing secession in the UK, Canada and the USA [*Natsional'nye modeli pravovykh mekhanizmov predotvrashcheniya setsessii v Velikobritanii, Kanade i SShA*]. – Moscow : NORMA. – 208 p.]. (In Russian).

Астапов Е.А. (2024). Доктринальные основы внешней политики Великобритании в Европейском регионе // Вопросы политологии. – Москва. – Т. 14, № 11 (111). – С. 4053–4062 [Astapov E.A. (2024). The doctrinal foundations of Britain's foreign policy in the European region [*Doktrinal'nye osnovy vneshnei politiki Velikobritanii v Evropeiskom regione*] // Political science issues. – Moscow. – Vol. 14, Issue 11 (111). – P. 4053–4062]. (In Russian).

Годованюк К.А. (2024). Китайская стратегия Великобритании : непоследовательная последовательность на фоне внутренних дебатов // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 4. – С. 144–164 [Godovanyuk K.A. (2024). UK strategy towards China : inconsistent consistency in the context of internal political debate [*Kitaiskaya strategiya Velikobritanii : neposledovatel'naya posledovatel'nost' na fone vnutrennikh debatov*] // Current problems of Europe / RAN, INION. – Moscow. – N 4. – P. 144–164]. (In Russian).

Журбина Н.Е., Просяная А.М. (2024). Взаимоотношения Великобритании со странами Индо-Тихоокеанского региона на современном этапе // Проблемы социальных и гуманитарных наук / Воронежский государственный технический университет. – Воронеж. – № 1 (38). – С. 111–119 [Zhurbina N.E., Prosianaia A.M. (2024). Great Britain's relations with the countries of the Indo-Pacific region at the present stage [*Vzaimootnosheniya Velikobritanii so stranami Indo-Tikhookeanskogo regiona na sovremennom etape*] // Problems of social and humanitarian sciences / Voronezh State technical univ. – Voronezh. – N 1 (38). – P. 111–119]. (In Russian).

Зеленева И.В., Ледовская А.А. (2024). Индо-тихоокеанская стратегия Великобритании : геополитические риски и факторы дестабилизации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – Томск. – № 82. – С. 211–221 [Zeleneva I.V., Ledovskaya A.A. (2024). Indo-Pacific strategy of Great Britain : geopolitical risks and factors of destabilization [*Indo-tikhookeanskaya strategiya Velikobritanii : geopoliticheskie riski i faktory destabilizatsii*] // Bulletin of Tomsk State univ. Philosophy. Sociology. Political science. – Tomsk. – N 82. – P. 211–221]. (In Russian).

Коданева С.И. (2023). Брекзит : причины, предпосылки и правовые последствия : монография / РАН, ИНИОН. – Москва. – 182 с. [Kodaneva S.I. (2023). Brexit : causes, prerequisites and legal consequences : a monograph [*Brekzit : prichiny, predposylki i pravovye posledstviya : monografiya*] / RAN, INION. – Moscow. – 182 p.]. (In Russian).

Коданева С.И. (2025). Институциональная реформа Евросоюза : от замысла к реализации // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 1. – С. 26–53 [Kodaneva S.I. (2025). Institutional reform of the European Union : from conception to implementation [*Institutsional'naya reforma Evrosoyuza : ot zamysla k realizatsii*] // Current problems of Europe / RAN, INION. – Moscow. – N 1. – P. 26–53]. (In Russian).

Озеров О. (2025). Россия и Великобритания : большая игра и большая ложь // Международная жизнь. – Москва. – № 2. – С. 4–15 [Ozerov O. (2025). Russia and Great Britain : the big game and the big lie [*Rossiya i Velikobritaniya : bol'shaya igra i bol'shaya lozh'*] // International affairs. – Moscow. – N 2. – P. 4–15]. (In Russian).

Панков Е.С. (2024). Подходы лидеров лейбористской партии Великобритании к силовым угрозам национальной безопасности (2023–2024 гг.) // Право и управление. XXI век / МГИМО (У) МИД РФ. – Москва. – Т. 20, № 3(72). – С. 124–135 [Pankov E.S. (2024). The approaches of the leaders of the British Labour Party to power threats to national security (2023–2024) [*Podkhody liderov leiboristskoi partii Velikobritanii k silovym ugrozam natsional'noi bezopasnosti (2023–2024 gg.)*] // Law and management. XXI century / MGIMO (U). – Moscow. – Vol. 20, Issue 3(72). – P. 124–135]. (In Russian).

Севрюк В.С. (2024). Место Китая во внешней политике Британии в контексте геополитического конструкта Индо-Пацифика // Вестник РГГУ. Политология. История. Международные отношения. – Москва. – № 4. – С. 104–116 [Sevryuk V.S. (2024). China's place in British foreign policy in the context of the Indo-Pacific geopolitical construct [*Mesto Kitaya vo vneshnei politike Britanii v kontekste geopoliticheskogo konstrukta Indo-Patsifika*] // Bulletin of the Russian State univ. of economics. Political science. History. International relations. – Moscow. – N 4. – P. 104–116]. (In Russian).

Семенникова К.В. (2024). Концепция «Глобальная Британия» и военный альянс AUKUS // Российская цивилизация : история, проблемы, перспективы : материалы XXXI Всероссийской молодежной научно-практической конференции с международным участием. – Иркутск. – С. 256–260 [Semenikova K.V. (2024). The concept of «Global Britain» and the military alliance AUKUS [*Kontseptsiya «Global'naya Britaniya» i voennyi al'yans AUKUS*] // Russian civilization : history, problems, prospects : materials of the XXXI All-Russian youth scientific and practical conference with international participation [*Rossiiskaya tsivilizatsiya : istoriya, problema, perspektivy : materialy XXXI Vserossiiskoi molodezhnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*]. – Irkutsk. – P. 256–260]. (In Russian).

Хахалкина Е. (2021). «Глобальная Британия» : от идеи к воплощению // Современная Европа / РАН, ИЕ. – Москва. – № 1. – С. 21–32 [Khakhalkina E. (2021). «Global Britain» : from idea to implementation [*«Global'naya Britaniya» : ot idei k voploshcheniyu*] // Contemporary Europe / RAN, IE. – Moscow. – N 1. – P. 21–32]. (In Russian).

Церцвадзе И. (2017). Британия и Общая политика безопасности и обороны Европейского союза // Connections / Partnership for Peace Consortium. – Гармиш-Партенкирхен. – Т. 16, № 3. – С. 83–98 [Tsertsvadze I. (2017). Britain and the Common security and defense policy of the European Union [*Britaniya i Obshchaya politika bezopasnosti i oborony Evropeiskogo soyuza*] // Connections / Partnership for Peace Consortium. – Garmisch-Partenkirchen. – Vol. 16, Issue 3. – P. 83–98]. (In Russian).

Черкашина Т.Н. (2024). Глобальная роль Великобритании в современном миропорядке // Омские научные чтения : материалы VI Всероссийской научной конференции / Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского. – Омск. – С. 374–380 [Cherkashina T.N. (2024). The global role of Great Britain in the modern world order [*Global'naya rol' Velikobritanii v sovremennom miroporyadke*] // Omsk scientific readings : materials of the VI All-Russian scientific conference / F.M. Dostoevsky Omsk State univ. – Omsk. – P. 374–380]. (In Russian).

Черняев М.С. (2024а). Подходы Великобритании к оборонному сотрудничеству с ЕС после BREXIT // Казачество. – Москва. – № 77 (4). – С. 210–218

[Chernyaev M.S. (2024a). The UK's approaches to defense cooperation with the EU after BREXIT [*Podkhody Velikobritanii k oboronnomu sotrudnichestvu s ES posle BREXIT*] // Kazachestvo. – Moscow. – N 77 (4). – P. 210–218]. (In Russian).

Черняев М.С. (2024б). Фактор AUKUS во внешней политике Великобритании // *Казачество*. – Москва. – № 79 (6). – С. 79–83 [Chernyaev M.S. (2024b). The AUKUS factor in British foreign policy [*Faktor AUKUS vo vneshnei politike Velikobritanii*] // *Kazachestvo*. – Moscow. – N 79 (6). – P. 79–83]. (In Russian).

A renewed agenda for European Union–United Kingdom cooperation Common Understanding. (2025) / European Commission. – Brussels. – 19.05. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/statement_25_1267 (date of access 20.12.2025).

EU–UK leaders summit 2025 : joint statement. (2025) / Council of the European Union. – Brussels. – 19.05. – 6 p. – URL: https://www.consilium.europa.eu/media/1edla1hi/eu-uk_joint-statement.pdf (date of access 20.12.2025).

Fella S. (2025). Resetting the UK's relationship with the European Union / House of Commons Library. – London. – 05.03. – URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-10207/> (date of access 20.12.2025).

Global Britain : sixth report of session 2017–19. (2018) / House of Commons, Foreign Affairs Committee. – London. – 06.03. – 35 p. – URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201719/cmselect/cmfaff/780/780.pdf> (date of access 20.12.2025).

Global Britain in a competitive age : the integrated review of security, defence, development and foreign policy. (2021) / HM Government. – London. – 16.03. – 114 p. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/60644e4bd3bf7f0c91eababd/Global_Britain_in_a_Competitive_Age_the_Integrated_Review_of_Security_Defence_Development_and_Foreign_Policy.pdf (date of access 20.12.2025).

Integrated review refresh 2023 : responding to a more contested and volatile world. (2023) / HM Government. – London. – 63 p. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/641d72f45155a2000c6ad5d5/11857435_NS_IR_Refresh_2023_Supply_AllPages_Revision_7_WEB_PDF.pdf (date of access 20.12.2025).

Kasonta A. (2021). The idea of Global Britain : a neo-Victorian attempt to define the place of the English in the world amidst the changing global order / RIAC. – Moscow. – 04.05. – URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/columns/european-policy/the-idea-of-global-britain-a-neo-victorian-attempt-to-define-the-place-of-the-english-in-the-world-a/> (date of access 20.12.2025).

Lamb G.W. (2025). The UK and EU security and defence relationship post-Brexit // *The new relationship between the United Kingdom and the European Union* / Guinchard E., Panara C. (Eds.). – Cham : Springer Nature. – P. 251–318.

Martill B., Maassen G., Jones S. (2024). The Labour government and security cooperation with the European Union / Independent Commission on UK–EU Relations. – London. – 20 p. – URL: <https://static1.squarespace.com/static/6193d9441f87e0447a3f0803/t/673b03298e06205b2e206573/1731920685688/The+Labour+Government+and+Security+Cooperation+with+the+European+Union+Nov+2024.pdf> (date of access 20.12.2025).

Meeting of the European political community : main results. (2025) / European Council ; Council of the European Union. – Brussels. – 16.05. – URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/international-summit/2025/05/16/> (date of access 20.12.2025).

Schichan F.-J. (2025). Holding a grudge : why is France dragging its feet on the EU–UK reset? // UK in changing Europe. – London. – 15.05. – URL: <https://ukandeu.ac.uk/holding-a-grudge-why-is-france-dragging-its-feet-on-the-eu-uk-reset/> (date of access 20.12.2025).

Security and defence partnership between the European Union and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. (2025) / Council of the European Union. – Brussels. – 19.05. – 13 p. – URL: https://www.consilium.europa.eu/media/3w3hhlxz/eu-uk-summit_sdp.pdf (date of access 20.12.2025).

The future relationship with the EU : the UK's approach to negotiations. (2020) / HM Government. – London. – 36 p. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5e579695e90e07110306a2f5/The_Future_Relationship_with_the_EU.pdf (date of access 20.12.2025).

The Ukraine effect : the impact of Russia's invasion of Ukraine on the UK–EU relationship. (2024) / House of Lords, European Affairs Committee. – London. – 31.01. – 96 p. – URL: <https://committees.parliament.uk/publications/43134/documents/214562/default/> (date of access 20.12.2025).

Wachowiak J., Menon A. (2025). What did the UK–EU summit achieve? // UK in changing Europe. – London. – 20.05. – URL: <https://ukandeu.ac.uk/what-did-the-uk-eu-summit-achieve/> (date of access 20.12.2025).

Wachowiak J., Jurkovic P. (2024). The European political community // UK in changing Europe. – London. – 08.07. – URL: <https://ukandeu.ac.uk/explainers/the-european-political-community/> (date of access 20.12.2025).

Whitman R. (2025). A modest beginning : the new EU–UK security and defence partnership // UK in changing Europe. – London. – 19.05. – URL: <https://ukandeu.ac.uk/the-new-eu-uk-security-and-defence-partnership/> (date of access 20.12.2025).

DOI: 10.31249/ape/2026.01.13

Kodaneva S.I.¹

The development of UK–EU relations within the context of geopolitical changes

Abstract. *The current global landscape is undergoing a period of significant geopolitical transformations, driven by a revision of the international order established after World War II. In Europe, this process has*

¹ **Kodaneva Svetlana Igorevna** – PhD in Law, Leading Researcher, INION RAN (kodanevas@gmail.com).

been accompanied by the departure of the United Kingdom from the European Union (EU) – a country that had long exerted significant influence on both domestic and foreign policies of the EU, as well as on security issues. This development has been a major turning point for both the EU and the UK, which must now redefine its position and role in the global community and establish a new relationship with the EU as its closest neighbour, partner and economic ally.

The aim of this paper is to examine the evolution of relations between the UK and the EU since Brexit, from the period of significant tension during the term of Prime Minister Boris Johnson to the current Labour «reset», and to explore how these developments have impacted the UK's perception of its role in Europe and the world. Based on an analysis of official sources, it was concluded that the concept of «Global Britain», introduced in 2021 by the Conservative government, envisages the pursuit of global leadership in key areas, primarily technology and economy, as well as security. However, Britain's security interests are contingent upon a «special partnership» with the US, making the interests of the transatlantic ally a priority. These factors have a significant impact on the efforts of the current government to re-establish relations with the European Union, making it significantly more challenging to achieve stated objectives.

Keywords: *the European Union, the United Kingdom, «Global Britain», European autonomy, European security, Brexit, UK–EU Summit, UK–EU strategic partnership.*

Статья поступила в редакцию (Received) 01.09.2025
Доработана после рецензирования (Revised) 10.09.2025
Принята к публикации (Accepted) 15.09.2025